

Молодой мужчина с подозрением посмотрел на них, сзади подошло еще несколько человек, и все взгляды устремились на лицо Цяо Янань.

— Скажите, братец, это Гуйхуали?

— Верно, Гуйхуали.

Парень никогда в жизни не видел столь чистой и красивой девушки, он даже глаз отвести не мог.

Цяо Янань слезла с повозки и, присев в поклоне, произнесла:

— Здесь ли проживает род Цяо?

— Именно так, к кому девушка направляется?

— Потрудись, братец, проводить меня к старейшинам рода.

Парень уже было с готовностью согласился, но рядом раздался чей-то голос:

— Зачем девушка ищет старейшин?

Мужчина средних лет с мотыгой в руке приблизился, бросил сердитый взгляд на юношу и посмотрел на девушку, которая изъяснялась весьма учтиво, а позади нее еще и стояла повозка. Если собрать всех родственников и знакомых семьи Цяо, среди них не сыскалось бы столь богатой родни, а этот болван совсем потерял бдительность.

— Моего отца зовут Цяо Чан Янь, а меня — Цяо Янань.

Цяо Чан Янь? Мужчина уже собирался сказать, что здесь нет такого человека, но вдруг припомнил это имя. Он поспешно спросил:

— Где нынче твой отец?

— В Тунсиньфу.

Точно, он самый! Мужчина посмотрел на повозку:

— А твой отец разве не вернулся?

Цяо Янань покачала головой:

— Я бы хотела испросить аудиенции у старейшин.

— Я отведу тебя. Шаньцзы, бегом к моему отцу, передай ему, а вы двое — позовите остальных старейшин ко мне в дом.

Было заметно, что этот человек пользуется авторитетом: те несколько человек ответили и бросились в разные стороны.

— Мой отец — старейшина рода Цяо, следуйте за мной.

Цяо Янань оглянулась на Шэнь Хуайсиня, тот понял ее без слов и, погоняя лошадь, последовал следом.

Пройдя совсем немного, они увидели Шаньцзы, ожидавшего у ворот:

— Дядюшка велел тебе, второй дядя, проводить их внутрь, как только придут.

Мужчина кивнул, а обернувшись, заметил, что повозка остановилась и какой-то паренек выбирается наружу, держа на руках ребенка. От увиденного он невольно нахмурился: взрослых мужчин не наблюдается, а всю такую дальнюю дорогу проделала незамужняя барышня во главе семьи, да еще и в сопровождении молодого мужчины...

Видя, что они приближаются, мужчина отбросил лишние мысли и зашагал вперед.

Цяо Янань с младшим братом на руках последовала за ним. Войдя во двор, она окинула всё беглым взглядом: при неярком свете можно было разнать, что обмазанный желтой глиной двор был весьма просторен, на нем кое-где валялись нехитрые земледельческие орудия и сушилось что-то съестное, отчего вокруг веяло запустением.

Переступив порог дома, Цяо Янань из-за тусклого света масляной лампы размером с горошину едва смогла разглядеть лица людей, но, привыкнув к темноте, перевела взгляд на сидевшего во главе угла старика.

— Отец, она говорит, что она дочь Цяо Чан Яня.

Цяо Янань тут же склонилась в поклоне перед стариком:

— Янань приветствует старейшину рода.

— Дочь Чан Яня?

Старейшина рода явно был крайне удивлен ее появлением и, оглядев вошедших следом людей, спросил:

— А где твой отец?

В родной деревне никто не знал о кончине отца, а о смерти матери тем более! Сделав такой вывод, Цяо Янань призадумалась: если утаить правду, то ее пребывание здесь вместе с младшими братьями покажется странным, да и обман рано или поздно вскроется. Если же сказать правду, ей, скорее всего, придется несладко, однако это вызовет и сочувствие, а остаться здесь удастся вполне естественным образом — в конце концов, родовой отчий дом ее семьи по-прежнему цел и невредим.

Цяо Янань мгновенно приняла решение, приподняла подол юбки и опустилась на колени перед старейшиной:

— В нашей семье стряслась беда: и отец, и мать скончались. Старший брат уехал на заработки, чтобы кормить семью, и заехать домой не смог. Жизнь в губернском городе тяжела, и Янань ничего не оставалось, как вернуться с двумя младшими братьями в родные края под крыло сородичей.

Старейшина рода был потрясен:

— И отца, и матери нет в живых? Еще в начале года твой отец писал, что нынче вернется на поминование предков... что же стряслось?

— В доме случился пожар, отец не только сгинул в пламени, но и сгорела важнейшая партия товаров нашего главы. Все, что отец зарабатывал тяжелым трудом за долгие годы, ушло на выплату долгов, но и этого не хватило, пришлось даже продать дом, а матушка сняла для нас другое жилище.

— Тогда твоя матушка... — старейшина рода окинул взглядом ее по-прежнему согнутые колени и торопливо произмолвил: — Встань, говори стоя.

Шэнь Хуайсинь тут же шагнул вперед и помог ей подняться.

Цяо Янань и сама не привыкла стоять на коленях, но держалась стойко и, поднимаясь, стерпела боль в ногах, не смея их растирать. Подхватив прерванную речь, она продолжила:

— Матушка умерла месяц назад от тяжелых родов. Того, кого я держу на руках, зовут Сяо Сюци, это мой младший братишка, а рядом стоит второй брат — Цяо Сючэн. Сючэн, вырази почтение старшему.

Цяо Сючэн опустился на колени и отвесил глубокий поклон.

Старейшина рода принял его поклон и велел подняться, но ничего больше не сказал и даже не взглянул на мальчика, обратившись к тому, кого она прижимала к груди:

— Снова мальчишка родился.

Цяо Янань тут же смекнула: этот человек прекрасно осведомлен об их семейных делах, иначе его отношение к Сючэну было бы иным.

Она повернулась к старейшине, представляя Шэнь Хуайсиня:

— Это мой жених, фамилия его Шэнь, зовут Хуайсинь. Старший брат беспокоился за нас, сирот, а довериться было больше некому, поэтому он попросил его сопроводить нас в обратный путь.

Шэнь Хуайсинь снял бамбуковую шляпу, откинул ее за спину и, сделав шаг вперед, сложил руки перед грудью:

— Младший Хуайсинь приветствует почтенного.

— О нет, что вы, что вы.

Старик, который с легкостью принимал любые поклоны от членов рода Цяо, вежливо поднялся со своего места и ответил на поклон — его манера разительно отличалась от того, с каким неизменным правом старшего он допытывался обо всем у Цяо Янань.

Шэнь Хуайсинь вновь надел шляпу и отступил за спину девушки. Цяо Сючэн тоже проявил сметку и молча забрал младшего брата на руки.

В этот момент подошли трое старейшин рода и, еще не успев присесть, заговорили:

— Слыхали, мол, это дочка Чан Яня?

— И Чан Янь, и его жена умерли, — старейшина в двух словах обрисовал обстановку.

— Вот уж поистине нежданно-негаданно, а ведь он еще обещал... — лицо старейшины, казавшегося чуть моложе остальных, помрачнело. Остальные явно уловили смысл его слов, и лица их тоже омрачились.

Цяо Янань не стала гадать, что именно обещал отец: человека уже нет в живых, за хорошие

дела она ответит, но все, что может навредить ей и братьям, к ним не имеет никакого отношения.

Она опустила глаза, разгладила складки на рукавах и, приведя мысли в порядок, произнесла:

— Отец изначально планировал нынешним годом вернуться всей семьей на родину для поминаения предков, да только вот беда приключилась.

— Намерение такое у него было, в начале года я получил от него письмецо, он даже просил меня после страды помочь прибрать дом, да только руки так и не дошли.

Старейшина рода посмотрел на стоявшую посреди комнаты девушку, которая ни капельки не тушевалась, и подумал про себя: воспитанные в губернском городе и впрямь отличаются — и речь ладная, и смелости куда больше.

— Каковы же твои планы по возвращении?

— Я бы хотела под защитой сородичей пожить с обоими младшими братьями некоторое время, пока не вернется старший брат, а там видно будет.

Четверо стариков переглянулись, и старейшина рода промолвил:

— Вы — кровь от крови рода Цяо, внесенная в родовую книгу, так что по возвращении никто вас не выгонит. Только подумай хорошенько: не говоря уже о прочем, одно твое чистое платье привлечет немало завистливых глаз.

— Место, куда хотел вернуться отец, дурным быть не может, а люди, о которых он помнил, наверняка добрые, — в голосе Цяо Янань звучала мягкость, но не слабость. — Уповая на отцовское благословение, мы, осиротевшие брат и сестры, непременно обретем заботу со стороны всех сородичей.

На это ответить было непросто, и старейшина заговорил о самом насущном на текущий момент вопросе:

— Хоть я и поручал людям каждый год приглядывать за вашим старым домом и в погожие дни открывать двери, чтобы выветрить сырость, да только много лет там не ступала нога человека, боюсь, жить там нынче нельзя.